...ніе лучшихъ русскихъ произведеній.

ВЛ. КОРОЛЕНКО.

ВОСПОМИНАНІЯ

о

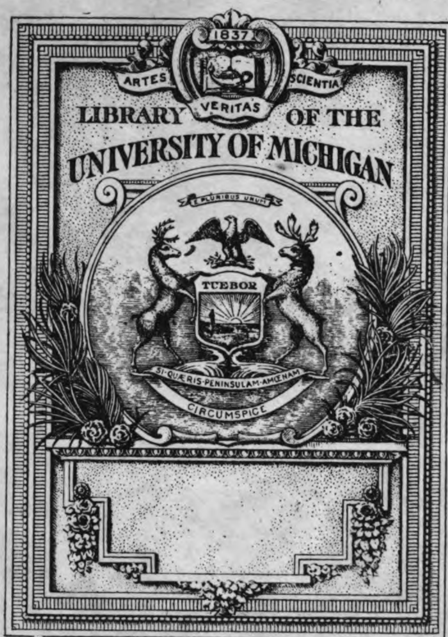
Н. Г. Чернышевскомъ.

KOROLENKO: N. Tschernischewsky.

БЕРЛИНЪ 1904. Charlottenstr. 2. BERLIN 1904.
Изданіе Гуго Штейница. — Hugo Steinitz Verlag.

Часть 101. Мар. 1,50.

1837
ARTES
SCIENTIA
VERITAS
LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF MICHIGAN
E PLURIBUS UNUM
TUEBOR
SI·QUÆRIS·PENINSULAM·AMŒNAM
CIRCUMSPICE

В. КОРОЛЕНКО.

Воспоминанія о Н. Г. Чернышевскомъ.

Korolenko

В. Короленко.

Воспоминанія

о

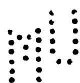
Н. Г. Чернышевскомъ.

БЕРЛИНЪ.

Изданіе Гуго Штейница

Шарлоттенштрассе 2.

Я помню, еще въ раннемъ дѣтствѣ мнѣ попался фантастическій польскій разсказъ. Герой его, молодымъ человѣкомъ, пробрался потаеннымъ ходомъ въ погребокъ, гдѣ хранилось чудесное старое вино, лежавшее въ землѣ, въ невѣдомомъ тайникѣ, нѣсколько столѣтій. Молодой человѣкъ выпилъ стаканъ и заснулъ. Заснулъ такъ крѣпко, что пока онъ спалъ въ своемъ убѣжищѣ, на землѣ бѣжали годы, событія смѣнялись событіями, XVIII столѣтіе отошло въ вѣчность, Польшу раздѣлили между собою враги.

И вотъ въ одинъ прекрасный день, на улицѣ русской уже Варшавы, съ вывѣсками на двухъ языкахъ и съ городовыми на каждомъ углу — появляется какая-то архаическая фигура въ старопольскомъ одѣяніи съ карабеллой у пояса, съ кармазиновыми отворотами рукавовъ и съ страшной сѣдой бородищей.

Дальнѣйшая часть разсказа посвящена развитію этого совершенно исключительнаго и повидимому невозможнаго положенія.

Такое именно невозможное и фантастическое явленіе совершилось почти на нашихъ глазахъ съ Чернышевскимъ. Правда, надъ его головой промчалось не столѣтіе, а всего двадцать лѣтъ, но эти двадцать лѣтъ стоили цѣлаго вѣка. Въ эти двадцать лѣтъ физіономія Россіи измѣнилась пожалуй болѣе, чѣмъ за цѣлое предшествовавшее столѣтіе. Въ остальномъ параллель тоже очень близка. Опьяненный захватывающимъ, одуряющимъ потокомъ событій, надеждъ и ожиданій только что начавшейся реформы, онъ попадаетъ въ далекіе казематы Нерчинска, Акатуя, потомъ на Вилюй. Развѣ все, что онъ тамъ видѣлъ въ этихъ глухихъ углахъ, отставшихъ на цѣлое столѣтіе даже отъ дореформенной Россіи, — не могло показаться страннымъ сномъ, подъ далекіе отголоски оставленной жизни, гулъ которой катился надъ его головой, какъ гулъ и выстрѣлы осаженной Варшавы надъ головой спящаго въ подвалѣ поляка?

Безъ сомнѣнія, когда этотъ полякъ исчезъ невѣдомо куда, его искали, можетъ быть даже

догадывались, что онъ недалеко, можетъ быть рылись и стучали въ нѣсколькихъ саженяхъ. А потомъ стали забывать, и наконецъ тѣ, кто искалъ, перемерли одинъ за другимъ, а среди оставшихся потомковъ повторялась только легенда: былъ еще одинъ человѣкъ, и даже хорожи былъ человѣкъ, но исчезъ безъ слѣда.

Чернышевскаго тоже искали. Его потеря была очень чувствительна для передовой части русскаго общества, и примириться съ нею было очень трудно. Но постепенно его имя стало тоже превращаться въ легенду. Теперь изъ моихъ читателей рѣдко кто знаетъ даже, что были въ свое время попытки освободить Чернышевскаго, что одна изъ такихъ попытокъ чуть было не увѣнчалась успѣхомъ, и что за это люди заплатили цѣлою жизнью каторги и одиночнаго заключенія. А между тѣмъ все это было, и мнѣ пришлось даже встрѣтиться съ главнымъ героемъ главной попытки, именно — Мышкинымъ, когда его отправляли на Кару. Но уже въ то время, когда я его видѣлъ, другія событія и другія „злобы дня“ покрыли толстымъ слоемъ и имя Чернышевскаго, и попытку его освобожденія,

такъ что теперь я могу передать лишь самыя незначительныя черты этого эпизода. Мышкинъ явился въ Вилюйскъ въ формѣ жандармскаго офицера и предъявилъ предписаніе немедленно отдать ему Чернышевскаго для препровожденія, если не ошибаюсь, въ Иркутскъ. У исправника возникло подозрѣніе (говорили, будто у Мышкина эксельбантъ былъ повѣшенъ не на той сторонѣ, гдѣ надо, но, кажется, это невѣрно, тѣмъ болѣе, что пріѣзжій не представилъ предписанія отъ якутскаго губернатора). Исправникъ отказался выдать Чернышевскаго. Мышкинъ пытался бѣжать, былъ арестованъ и потомъ все-таки бѣжалъ. Послѣ этого Чернышевскій обратился съ положительной категорической просьбой — не дѣлать впредь подобныхъ попытокъ, и эта просьба была напечатана въ 70-хъ годахъ въ заграничныхъ изданіяхъ.

Въ послѣдующіе годы о Чернышевскомъ говорили все меньше и меньше. Его „Что дѣлать“ читалось и комментировалось, но лучшія его произведенія, вся его яркая кипучая и благородная дѣятельность постепенно забывалась, по мѣрѣ того, какъ истрепывались и становились библіографической рѣд-

костью книжки „Современника“. О самомъ Чернышевскомъ доходили до насъ смутные, сбивчивые слухи. Возникнувъ еще въ 70-хъ годахъ когда въ одномъ извѣстномъ тогда стихотвореніи говорилось:

„. . . Угасаетъ въ далекой якутской тайгѣ
Яркій свѣточъ науки опальной“,

одинъ изъ этихъ слуховъ проводилъ Чернышевскаго въ могилу. Говорили, что умственныя способности его угасли и даже — что онъ помѣшанный. Что онъ до конца сохранилъ силу своего могучаго ума, — это онъ, впрочемъ, доказалъ въ послѣдніе годы невѣроятно-энергической работой по переводамъ. Но что у него не „все въ порядкѣ“ — объ этомъ я слышалъ еще за нѣсколько недѣль до его смерти и отъ людей, которые имѣли случай видѣть его и говорить съ нимъ лично. Самостоятельныя статьи его не имѣли уже особеннаго значенія и не были даже замѣчены. Во всякомъ случаѣ онѣ вызывали покачиваніе головами необычностью въ наше время и странностію тона. Однако всѣ эти слухи совершенно невѣрны и легко объясняются двумя обстоятельствами: Чернышевскій всегда былъ немножко чудакъ, это во

первыхъ. А во вторыхъ, всѣ, на кого онъ производилъ такое странное впечатлѣніе, не читали вѣроятно того разсказа, о которомъ я упомянулъ въ началѣ и не принимали въ соображеніе, что Чернышевскій вернулся къ намъ изъ глубины 50-хъ и начала 60-хъ годовъ. Вся бѣда состояла не въ томъ, что онъ „измѣнился, ахъ, какъ онъ измѣнился“. Нѣтъ, дѣло, наоборотъ, въ томъ, что онъ остался прежнимъ, съ прежними пріемами мысли, съ прежней вѣрой въ одинъ только всеустранительный разумъ, съ прежнимъ пренебреженіемъ къ авторитетамъ, — тогда какъ мы пережили за это время цѣлое столѣтіе опыта, разочарованій, разбитыхъ утопій и пришли къ излишнему невѣрію въ тотъ самый разумъ, передъ которымъ преклонялись вначалѣ.

Чернышевскій явился къ намъ, какъ архаическая фигура поляка XVIII вѣка на макадамовой мостовой русской Варшавы.

Насъ онъ не зналъ вовсе, а мы его успѣли забыть, и его обликъ, прежній обликъ казался намъ уже страннымъ.

Впрочемъ, кажется, я позволилъ себѣ уже слишкомъ длинное отступленіе отъ прямой

задачи настоящаго небольшаго очерка. Задача эта — сообщить тѣ, очень немногія свѣдѣнія о Чернышевскомъ послѣ его ссылки, которыя мнѣ удалось собрать во время странствованій въ сосѣднихъ мѣстностяхъ, частію отъ лицъ, жившихъ вмѣстѣ съ Чернышевскимъ, — частію-же отъ самаго Чернышевскаго, котораго я видѣлъ и съ которымъ познакомился въ августѣ прошлаго года, за два мѣсяца до его смерти.

Говорятъ, Чернышевскій писалъ въ послѣднее время свои мемуары, которые пересылалъ близкимъ людямъ въ Петербургъ. Такимъ образомъ со временемъ мы узнаемъ подробности его дѣла, а также его жизни въ Сибири. Теперь-же матеріаловъ по этому предмету очень мало. Рѣдкая смерть виднаго общественнаго дѣятеля прошла такъ мало отмѣченной въ литературѣ. Нѣсколько скудныхъ некрелоговъ, двѣ, три замѣтки — и все. Это-то обстоятельство и заставляетъ меня сообщить хоть то немногое, что я знаю.

Въ 1881 году судьба закинула меня въ далекую Сибирь, въ ту самую Якутскую область,

гдѣ въ это время находился Чернышевскій. Когда я былъ въ Иркутскѣ, меня опять встрѣтили здѣсь постоянно ходившіе слухи: говорили, что Чернышевскій умеръ и что за нѣсколько лѣтъ до смерти онъ уже былъ сумасшедшимъ.

Объясняли даже причину: могучій умъ, истомленный бездѣятельностью, не находилъ исхода. Чернышевскій будто-бы постоянно писалъ съ утра до ночи, но, зная, что рукописи, какъ бывало прежде, будутъ непремѣнно отобраны, сожигалъ ихъ въ каминѣ. Это будто-бы и стало исходной точкой помѣшательства еще до перевода въ Якутскую область.

По пріѣздѣ на мѣсто, въ слободѣ Амгѣ, въ 200-хъ верстахъ отъ Якутска, я узналъ, что слухъ о смерти положительно не вѣренъ, а слухъ о помѣшательствѣ опровергался за все время пребыванія его въ Забайкальи. Оказалось, что счастью въ слободѣ, гдѣ я жилъ, счастію не въ дальныхъ разстояніяхъ отъ нея, находились товарищи Чернышевскаго по заключенію. Это были такъ называемые „каракозовцы“ (нынѣ всѣ уже возвращены въ Россію), или ссыльные по дѣлу о „вос-

кресныхъ“ школахъ, дѣлу еще болѣе раннему, о которомъ теперь почти уже исчезли самыя воспоминанія, какъ о первыхъ наивныхъ еще проблескахъ начинавшагося движенія, впослѣдствіи наводнившаго Сибирь цѣлыми отрядами ссыльныхъ.

Отъ нихъ я узналъ, что всѣ тревожные слухи о болѣзни Чернышевскаго не имѣли ни малѣйшаго основанія. Будучи высланъ сначала въ Нерчинскъ (кажется), Чернышевскій жилъ вмѣстѣ съ партіей поляковъ. Дворъ, обнесенный деревянными „палями“ (частоколъ съ заостренными концами), внутри дереванные домики казенной упрощенной до нельзя архитектуры, кардегардія съ конвойными солдатами, полосатая будка у воротъ, и изъ-за частокола кругомъ, вдалекѣ — туманныя высокія горы Забайкалья, — такова обычная обстановка этихъ казематовъ. Поляки, по большей части люди простаго званія, каждый день уходили на работы въ „разрѣзъ“. Тогда во дворѣ, обнесенномъ палями, и въ сѣрыхъ домахъ съ рѣшотками становилось пусто и тихо, и только въ одной коморкѣ сидѣлъ надъ своими книгами Чернышевскій. Я встрѣтилъ впослѣдствіи одного изъ этихъ поляковъ.

Онъ разсказывалъ мнѣ, что всѣ они очень уважали Чернышевскаго. Его добродушіе, постоянная серьезность и умѣнье при случаѣ говорить просто съ простыми людьми пріобрѣли ему общую симпатію, и они привыкли обращаться къ нему за разрѣшеніемъ всѣхъ споровъ и недоразумѣній, которые такъ часты въ этихъ тѣсныхъ норахъ, гдѣ люди отъ тоски готовы нерѣдко съѣсть другъ друга, какъ мыши, попавшіе въ стеклянную банку, откуда нѣтъ выхода. И Чернышевскій всегда съ необычайнымъ терпѣніемъ входилъ во всѣ мелочи подобныхъ разбирательствъ. До него, говорилъ мнѣ этотъ полякъ, дѣло доходило порой до того, что однажды, по общему приговору, поляки высѣкли одного изъ своихъ товарищей. При немъ не повторялось ничего подобнаго.

Къ этому времени относится одинъ разсказъ, слышанный мною тоже отъ очевидца. Вообще, говорилъ мнѣ одинъ интеллигентный полякъ, который провелъ около двухъ лѣтъ вмѣстѣ съ Чернышевскимъ въ одной изъ каторжныхъ тюремъ, мы никогда не видѣли его унывающимъ или печальнымъ. О причинахъ своей ссылки онъ говорить не любилъ, „Богъ

ихъ знаетъ. Можетъ быть имъ и извѣстно, за что сослали, а я не знаю“, и за тѣмъ отдѣлывался какимъ нибудь анекдотомъ или шуткой. Только одинъ разъ мы видѣли, какъ онъ заплакалъ. Мы сидѣли съ нимъ на дворѣ, когда принесли Чернышевскому письма и журналы. Чернышевскій надѣлъ очки, развернулъ книгу, перелисталъ ее, потомъ книга выскользнула у него изъ рукъ, онъ всталъ и быстро ушелъ къ себѣ. На глазахъ у него мы замѣтили слезы. Развернувъ книгу, мы нашли тамъ извѣстное стихотвореніе Некрасова. Мы изъ деликатности не заговаривали съ нимъ объ этомъ предметѣ, онъ тоже не поднималъ этого разговора, но въ общихъ разсужденіяхъ послѣ этого прорывалась порой нота особенной горечи.“

Не знаю, — въ Нерчинскѣ или уже по переводѣ въ Акатуй — въ тюрьму, гдѣ содержался Чернышевскій, стали присылать русскихъ политическихъ ссыльныхъ. Такимъ образомъ составилось цѣлое общество, въ которомъ были также интеллигентные поляки и даже два гарибальдійца, вскорѣ впрочемъ помилованные и высланные на родину. Вся эта компанія жила однимъ кружкомъ, и

только Чернышевскій по прежнему держался нѣсколько въ сторонѣ. Впрочемъ, нельзя сказать, чтобы онъ удалялся сознательно отъ товарищей по заключенію, — нѣтъ, онъ былъ знакомъ со всѣми, а съ нѣкоторыми даже довольно друженъ, но всетаки онъ стоялъ по возрасту и по интересамъ внѣ кружка, не участвуя въ его интимностяхъ, маленькихъ партіяхъ, ссорахъ и примиреніяхъ.

Порой въ общей камерѣ устраивались чтенія или рефераты. Въ кружкѣ были свои поэты, политико-экономы, критики и публицисты. Чернышевскій тоже слушалъ эти чтенія, а иногда и участвовалъ въ нихъ очень оригинальнымъ образомъ. Онъ приходилъ съ толстой тетрадью, садился, раскрывалъ ее и читалъ свои повѣсти, длинныя аллегоріи и т. д. Чтеніе это продолжалось иногда два, три вечера. Одинъ изъ слушателей записалъ впослѣдствіи содержаніе этихъ произведеній. Я не стану повторять ихъ здѣсь, тѣмъ болѣе, что большая часть деталей, полученныхъ уже мною изъ вторыхъ рукъ, — исчезли изъ моей памяти. Скажу только, что одинъ изъ записанныхъ Г—мъ и Ш—мъ разсказовъ представляютъ цѣлую повѣсть съ очень слож-

нымъ дѣйствіемъ, съ массой приключеній, отступленій научнаго свойства, психологическимъ и даже физіологическимъ анализомъ. Читалъ Чернышевскій не торопливо, но спокойно и плавно. Каково-же было удивленіе слушателей, когда одинъ изъ нихъ, заглянувъ черезъ плечо лектора, увидѣлъ, что онъ самымъ серьезнымъ образомъ смотритъ въ чистую тетрадь и перевертываетъ незаписанныя страницы. Впослѣдствіи и мой братъ, хорошо знавши покойнаго, а отчасти и я самъ, — имѣли случай убѣдится въ этой удивительной способности къ импровизаціи, которая чрезвычайно походила на чтеніе хорошо написаннаго и въ совершенствѣ отдѣланнаго литературнаго разсказа. Здѣсь выступаетъ также и другая черта покойнаго, которую я узналъ въ немъ при личномъ знакомствѣ: это какое-то особое добродушное лукавство, съ которомъ онъ порой любилъ мистифицировать собесѣдника. Разговаривая съ нимъ, никогда не мѣшало держать ухо востро, что-бы не принять въ сурьезъ какую либо шутку. Кромѣ того, онъ часто, развивая какую нибудь сложную мысль, отмѣчалъ ходъ своей аргументаціи такъ сказать отдѣль-

ными вѣхами, снимая всѣ логическіе мостики, облегчающіе слушателю возможность легко и безъ труда слѣдовать за нимъ, и вамъ приходилось дѣлать самые неожиданные скачки, чтобы не отстать и не потерять изъ виду общей связи. Но за то, если вы понимали его шутку и не теряли нити, — въ его добродушно лукавыхъ глазахъ вспыхивало выраженіе удовольствія, почти наслажденія.

Такимъ я увидѣлъ его въ 1889 году, не задолго до кончины; такимъ-же рисуетъ его и приведенный только что разсказъ. Съ этой оговоркой я могу, пожалуй, привести содержаніе и самой повѣсти, прося помнить, что мы не имѣемъ данныхъ для сужденія, насколько мысли, въ ней высказанныя, слѣдуетъ принимать за нѣчто сурьезное или за простую шутку, упражненіе могучаго и нѣсколько юмористически въ то время направленнаго ума — среди казематной скуки и казематнаго бездѣлья. Замѣчу, что заглавіе повѣсти: „Не для всѣхъ“ *).

---

*) Значеніе этого заглавія передававшій мнѣ понялъ въ смыслѣ предупрежденія возможныхъ недоразумѣній. Чернышевскій указываетъ, что это не программа для всѣхъ, а анализъ частнаго случая.

Дѣйствующія лица — русская дѣвушка и два ея поклонника. Оба умны, оба хороши собой, оба влюблены въ нее. У обоихъ есть, конечно, свои особенности ума и характера, есть и недостатки; но все это природа распредѣлила между ними такъ, что черты одного дополняютъ черты другого. Дѣвушка и любитъ ихъ обоихъ. Когда порой она рѣшается отдать предпочтеніе одному изъ искателей, то чувствуетъ также, что другой образъ ей приходится съ болью отрывать отъ сердца, что тѣ свойства души, которыя приходится отвергнуть, тоже привлекаютъ ее и ей трудно отъ нихъ отказаться. Тогда два друга-соперники рѣшаются кинуть жребій, и одинъ уступаетъ съ пути, исчезая куда-то безъ вѣсти и навсегда.

Молодая женщина сильно чувствуетъ все таки потерю; любовь мужа не можетъ дать ей полнаго успокоенія. Она чахнетъ и доктора совѣтуютъ путешествіе. На Великомъ Океанѣ ихъ застаетъ штормъ. Корабль носится по волнамъ, безъ руля, съ изорванными парусами, приблизительно такъ, какъ это происходитъ во многихъ романахъ съ „захватывающимъ“ интересомъ, который съ большимъ

юморомъ парадируется въ этой части разсказа. Конецъ бури застаетъ молодаго человѣка и его жену, погибающими въ волнахъ вблизи невѣдомаго острова. Въ послѣднія мгновенія, когда истощены послѣднія силы, — кто-то кидается къ нимъ съ острова на помощь и они спасены.

Но тутъ оказывается, что спасенные отъ ярости стихій, — они становятся „игралищемъ“ насмѣшливой судьбы. Ихъ спаситель — никто иной, какъ все тотъ-же навсегда исчезнувшій другъ и соперникъ, и вопросъ возникаетъ вновь въ формѣ тѣмъ болѣе трагической, что островъ совершенно необитаемъ, и они на немъ единственные жители, окруженные со всѣхъ сторонъ насмѣшливо ревущимъ океаномъ. Разыгрывается цѣлый романъ со сценами мученій, ревности и безъисходнаго отчаянія. Наконецъ, когда положеніе обостряется до послѣдней степени, кому-то (кажется именно молодой женщинѣ) приходитъ въ голову исходъ изъ невыразимо запутаннаго положенія и притомъ исходъ, который, если и грѣшитъ чѣмъ нибудь, то именно излишней простотой. Зачѣмъ всѣ эти мученія, ведущія къ ненависти, къ возможности убій-

ства, къ очевидной гибели всѣхъ троихъ, когда все дѣло въ томъ, чтобы жить всѣмъ троимъ, то есть . . . втроемъ. Дѣло такъ ясно . . . Пробуютъ, — и, послѣ легкой побѣды надъ нѣкоторыми укоренившимися чувствами, — все устраивается прекрасно. Наступаетъ миръ, согласіе, и вмѣсто ада на необитаемомъ островѣ воцаряется рай.

Далѣе — опять какъ въ романахъ съ приключеніями, тоска по родинѣ, печальные взгляды на необозримую даль океана, парусъ на горизонтѣ, смѣна надежды, отчаянія, опять надежды. Они на кораблѣ, они въ Европѣ.

И именно въ Англіи. Они считаютъ ее страной свободы, а скрываться они не желаютъ, такъ какъ не признаютъ въ своемъ необычномъ союзѣ ничего противообщественнаго. Оказывается, однако, что именно въ Англіи, этой странѣ традиціи и семейнаго романа, гдѣ развратъ терпится при условіи пуританскаго соблюденія внѣшности и рутины, но величайшая добродѣтель не спасетъ отъ наказанія за нарушенія этой внѣшности, — ихъ союзъ производитъ соблазнъ. Начинаются сосѣдскія сплетни, общественное мнѣніе вынуждаетъ власти къ вмѣшательству, и три

наши героя оказываются на скамьѣ подсудимыхъ. Судъ, публика, рѣчи прокуроровъ, защиты, судей и подсудимыхъ — все это описано чрезвычайно подробно. Въ послѣднемъ словѣ одинъ изъ подсудимыхъ (кажется именно женщина) произноситъ блестящую рѣчь, гдѣ отстаиваетъ право каждаго устраивать свою жизнь, по указаніямъ своей совѣсти. Она разсказываетъ о своихъ попыткахъ устроить ее на основаніи общественнаго кодекса, о томъ, къ какимъ результатамъ чуть не привели онѣ всѣхъ троихъ; какъ ихъ выходъ спасъ отъ ненависти и убійства. Присяжные ихъ оправдываютъ, и они уѣзжаютъ въ Америку, гдѣ среди броженія новыхъ формъ жизни и ихъ союзъ находитъ терпимость и законное мѣсто.

Кромѣ этой повѣсти, въ запискахъ, о которыхъ я говорю, приводилось еще содержаніе шуточно-аллегорической комедіи, написанной Чернышевскимъ и даже разыгранной въ казематѣ. Содержаніе этой шутки, юморъ которой весь испарился уже въ первой передачѣ, я, конечно, пересказывать не стану.

Большая часть этихъ товарищей Чернышевскаго были разосланы на поселеніе ранѣе

его. Онъ проводилъ ихъ добрыми пожеланіями и напутствіями, а затѣмъ и самъ былъ переведенъ на сѣверъ, въ Якутскую область, на Вилюй.

Въ городъ Вилюйскъ, расположенный въ нѣсколькихъ сотняхъ верстъ на западъ отъ Якутска, на рѣкѣ того-же имени, не высылали политическихъ ссыльныхъ. Въ 60-хъ годахъ тамъ была выстроена особая тюрьма, приспособленная для помѣщенія одного арестанта. Сначала въ ней помѣстили поляка Іосафата Огрызко, знаменитаго въ свое время тѣмъ, что, занимая въ Петербургѣ очень важный постъ въ министерствѣ финансовъ, онъ держалъ въ своихъ рукахъ вмѣстѣ съ тѣмъ многія нити „польской интриги". Въ перодовицахъ „Моск. Вѣд." еще не давно имя Огрызко употреблялось, какъ нарицательное, для воплощенія польскаго коварства. Когда по Манифестамъ, слѣдовавшимъ поочередно одни за другими, очередь помилованья дошла до Огрызко, который получилъ право свободныхъ переѣздовъ по Сибири и занялъ видное мѣсто по пріисковому дѣлу, его тюрьма осталась пуста и туда перевели Чернышевскаго.

Объ этомъ періодѣ его сибирской жизни извѣстно еще менѣе. „Теперь встревоженная мысль летитъ къ нему туда, на Вилюй, въ холодную могилу, гдѣ онъ томится одинъ, въ мрачномъ одиночномъ заключеніи“, приблизительно такъ кончаются записки Ш-ва. Тѣ самые люди, которые разсѣяли привезенные мной изъ Россіи слухи на счетъ помѣшательства Чернышевскаго въ Забайкальи, повторяли эти тревожныя опасенія, перенося ихъ на Вилюй. Жизнь его тамъ дѣйствительно окружена была тайной, которая такъ рѣдко возможна въ Россіи.

Однажды къ намъ въ слободу пріѣхалъ новый писарь. Скромный, отягченный многочисленнымъ семействомъ и потому вынужденный иногда на нѣкоторыя сдѣлки съ совѣстью, онъ все таки производилъ впечатлѣніе человѣка, далеко не погрязшаго въ тинѣ глухихъ сибирскихъ угловъ. Онъ явился къ намъ, познакомился и попросилъ книжекъ, предлагая въ свою очередь пользоваться своими.

Въ числѣ послѣднихъ мнѣ попалась одна, съ надписью: такому-то отъ Чернышевскаго. Теперь я не помню уже, какая это была книга.

Оказалось, что писарь служилъ ранѣе въ Вилюйскѣ и былъ хорошо знакомъ съ Чернышевскимъ. Онъ разсказывалъ мнѣ, что тюрьма Чернышевскаго можетъ быть названа тюрьмой только на половину. Съ нимъ вмѣстѣ жили три (кажется) жандарма, урядникъ и нѣсколько казаковъ, но у него была своя отдѣльная комната, и онъ могъ выходить изъ нея когда угодно. Онъ былъ знакомъ въ городѣ съ исправникомъ, кое съ кѣмъ изъ чиновниковъ и купцовъ. Но выходилъ въ гости всетаки рѣдко и не засиживался долго. Его стѣсняло то обстоятельство, что жандармъ долженъ былъ издали слѣдить за нимъ и дожидаться, пока онъ уйдетъ, что, при рѣдкой деликатности покойнаго, совершенно отравляло для него всякое удовольствіе этихъ посѣщеній. „Что его, бѣднаго, заставлять дожидаться; нѣтъ ужь, лучше прощайте“ — говорилъ онъ и уходилъ въ свою комнату — тюрьму.

Разъ въ мѣсяцъ небольшой городокъ, похожій скорѣе на среднюю нашу деревушку, оглашался звонкомъ почтоваго колокольчика; приходила почта, привозившая Чернышевскому письма, газеты и журналы. Онъ тотъ-часъ-

же разносилъ книги по городу, приноровляясь къ вкусамъ читателей. Когда его спрашивали, отчего онъ такъ мало оставляетъ себѣ, онъ лукаво улыбался и говорилъ: „а вы не поняли: разсчетъ! вѣдь я обжора, накинусь, сразу все и поглащу. А такъ по порціямъ мнѣ и хватитъ на цѣлый мѣсяцъ! Онъ очень любилъ, когда у него просили книгъ, и охотно занимался съ своими тюремщиками. Мнѣ пришлось встрѣтиться на Ленѣ, съ молодымъ жандармомъ, который пріятно поразилъ меня нѣкоторыми оборотами рѣчи и начитанностью. Оказалось, что онъ въ теченіи года былъ приставленъ къ Чернышевскому и говорилъ мнѣ, что охотно принялъ-бы еще на годъ эту командировку, не смотря на скуку почти тюремной жизни. Эти свѣдѣнія вновь разсѣяли мои опасенія. Было очевидно, что этотъ человѣкъ удивительно владѣетъ собой, держитъ себя въ рукахъ и не даетъ тяжелому и безжизненному отупѣнію далекаго захолустья побѣдить свой могучій умъ и здравый смыслъ, который всегда отличалъ его и прежде, служа главнымъ орудіемъ его въ борьбѣ съ псевдо-учеными авторитетами. Но сколько силы растрачено въ этомъ пустомъ простран-

ствѣ въ безплодной борьбѣ съ мертвымъ болотомъ! Я видѣлъ людей, которые проживали въ сибирской глуши гораздо меньше Чернышевскаго и не въ такихъ условіяхъ, и на нихъ не осталось человѣческаго облика.

Однажды, на Оби, къ параходу, который везъ новую партію ссыльныхъ и присталъ къ обрыву берега, чтобы набрать дровъ, вышли изъ ближайшихъ остяцкихъ чумовъ нѣсколько остяковъ и остячекъ съ дѣтьми. Одинъ изъ этихъ дикарей, одѣтый, какъ и другіе, въ звѣриныя шкуры, съ лицомъ, покрытымъ цѣлымъ слоемъ жира и дыма, увидѣвъ на баржѣ „политическихъ“, заговорилъ съ ними по русски. Оказалось, что это тоже политическій ссыльный, поселенный среди остяковъ.

Одна изъ остячекъ, безсмысленно глядѣвшая на чуждыхъ людей, была его жена, а маленькіе дикари, прижавшіеся къ ней, его дѣти. Со слезами на глазахъ онъ прощался съ незнакомыми товарищами, когда баржа тихо отплывала отъ кручи, чтобы спуститься далѣе по широкой и пустынной Оби, и въ его рѣчи слышалось, что онъ уже разучивается говорить по русски. Да, нужно было обладать могучимъ умомъ Чернышевскаго,

чтобы не поддаться одиночеству долгой сибирской ссылки безъ товарищей и друзей. Онъ не поддался и, на сколько среда была способна, подымалъ ее до себя. Но и ссылка взяла у него все, что могла. Отнявъ непосредственное общеніе съ живыми фактами интеллектуальной жизни, она лишила сильный умъ его естественной пищи, необходимой для того, чтобы развиваться на ряду съ этой жизнью. Могучимъ усиліемъ онъ удержался на высотѣ прежнихъ способностей, но только удержался и именно на той ступени, на какой его застала ссылка. Онъ вернулся къ намъ тѣмъ, чѣмъ былъ въ 60-хъ годахъ, а время, къ худу-ли, къ добру-ли, — ушло далеко отъ этого мѣста. Правда, столкновеніе опьяняющихъ надеждъ и каземата, борьбы за передовыя реформы и допотопныхъ порядковъ Сибири — это столкновеніе не могло не отразиться на немъ. И оно отразилось оттѣнкомъ скептическаго юмора и нѣкоторымъ недовѣріемъ къ прежнимъ путямъ прогресса. Но и только. Въ остальномъ, повторяю, онъ не измѣнился.

Въ 1883 году весной опять пронесся у насъ, въ Якутской области, слухъ о смерти Чернышевскаго, но тотчасъ-же этотъ слухъ замѣнился радостнымъ извѣстіемъ: Чернышевскаго возвращаютъ, Чернышевскій въ Якутскѣ. Дѣйствительно Чернышевскаго привезли съ Вилюя, привезли съ жандармами прямо къ губернатору, который угостилъ его завтракомъ, и тотчасъ-же, не давъ переночевать и отдохнуть, повезли въ Россію, тщательно скрывая имя и не прописывая фамиліи даже на станціяхъ. Чернышевскій, сначала принявшій завтракъ у губернатора, какъ любезное гостепріимство, вскорѣ убѣдился въ истинномъ значеніи этой губернаторской любезности. Когда ему не позволили остановиться въ городѣ для отдыха, провожатые заѣхали только на нѣсколько минутъ и то, кажется, украдкой къ одному знакомому обывателю, который въ послѣдствіи, покачивая головой, говорилъ мнѣ: отличный, образованный господинъ, а кажется того . . . не совсѣмъ въ порядкѣ.

А что?

Да какъ-же, послушайте. Ну, хотѣлъ сначала остановиться, отдохнуть. Жандармъ го-

ворить нельзя, строго наказалъ губернаторъ отнюдь не останавливаться. Вотъ стали садиться въ повозку, онъ и говоритъ жандарму: надо-бы хоть къ губернатору-то вернуться. Рубль чтобы ему за завтракъ отдать. Помилуйте, на что-же это похоже! Неужто губернатору его рубль нуженъ! Впослѣдствіи, когда я ѣхалъ назадъ, мнѣ разсказывали курьезный эпизодъ, связанный съ этимъ „секретомъ полишинеля" какимъ окружали отъѣздъ Чернышевскаго въ Россію, о которомъ извѣстно было въ это время всей Россіи изъ газетъ.

За нѣсколько часовъ до выѣзда Чернышевскаго, по Ленѣ изъ Якутска отправилась почта. Почталіонъ, какъ и всѣ въ городѣ, конечно, зналъ, что Чернышевскій поѣдетъ вслѣдъ за нимъ, и, желая, поусердствовать, предупреждалъ всѣхъ смотрителей.

Такимъ образомъ, подъѣзжая къ станціи въ лодкѣ, небольшой отрядъ, съ важнымъ пересыльнымъ, заставалъ уже на берегу готовыми новую лодку, лошадей для лямки и ямщиковъ въ парадныхъ (по возможности) костюмахъ. Это, наконецъ, обратило на себя вниманіе жандарма Машкова, расторопнаго служака, съ которымъ и мнѣ пришлось по-

знакомиться впослѣдствіи, имѣвшаго нѣсколько преувеличенное понятіе о своей миссіи.

— Что за чертъ, удивлялся онъ, откуда вы всѣ знаете, что мы будемъ?

— Отъ почтальона NN. Говоритъ: готовьтесь, Чернышевскаго везутъ.

— А, вотъ что! Онъ не обязанъ и знать-то, кого мы веземъ.

Машковъ усмотрѣлъ въ усердіи бѣднаго почтальона разоблаченіе государственной тайны. Это конечно не удивительно. Гораздо удивительнѣе то, что усердный почтальонъ потерялъ мѣсто за то лишь, что узналъ то, что зналъ весь городъ и оказалъ жандармамъ дѣйствительную услугу, такъ какъ по всей Ленѣ ихъ ждали готовыя лодки, лошади и ямщики.

Теперь минуя то, что извѣстно изъ газетъ, я прямо перейду къ описанію личнаго свиданія съ Чернышевскимъ.

17-го августа прошлаго года часовъ около 6-ти вечера, я позвонилъ у дверей деревяннаго флигеля во дворѣ, противъ общественнаго сада, въ Саратовѣ. Въ этомъ домикѣ жилъ Чернышевскій.

Въ Саратовѣ мнѣ разсказывали, что онъ и здѣсь, какъ въ Астрахани, живетъ отшельникомъ, ни съ кѣмъ не видится, и доступъ къ нему очень труденъ, почти невозможенъ. Говорили даже, будто на дверяхъ вывѣшено объявленіе: „никого не принимаютъ“. Объявленіе, конечно, не было, что-же касается трудности доступа, то я это испыталъ на себѣ, хотя имѣлъ полное основаніе разсчитывать, что буду принятъ. Съ Николаемъ Гаврилычемъ заочно я давно уже былъ знакомъ черезъ брата, послѣдній-же годъ мы съ нимъ переписывались. Онъ звалъ меня повидаться и, что еще важнѣе въ данномъ отношеніи, такое-же приглашеніе получилъ я отъ Ольги Сократовны, его жены. Года четыре назадъ я писалъ брату, когда онъ жилъ въ Астрахани, что лѣтомъ очень-бы хотѣлъ пріѣхать туда и познакомиться съ Николаемъ Гаврилычемъ, но тогда послѣдній отвѣтилъ:

Нѣтъ, ужъ это не надо. Мы, съ В. Г. какъ два гнилыя яблока. Положи вмѣстѣ — хуже загніютъ, намекая на то, что въ глазахъ начальства у насъ обѣихъ репутація значительно попорчена.

Но въ послѣдніе годы этотъ строгій ре-

жимъ самъ Николай Гаврилычъ значительно ослабилъ (я думаю, у него и тутъ, какъ съ чтеніемъ въ Вилюйскѣ, была извѣстная система). Но Ольга Сократовна продолжала держаться до конца. Такимъ образомъ, какъ я узналъ впослѣдствіи, въ отсутствіи Ольги Сократовны Чернышевскій принималъ иногда кого попало, и къ нему попадали совершенно случайные посѣтители. Въ другое время не принимали никого, кромѣ тѣхъ, кто зналъ секретъ, открытый при свиданіи и мнѣ. Нужно было, не звоня у парадняго входа, обойти кругомъ и войти черезъ кухню.

Я не зналъ секретъ, и ко мнѣ черезъ нѣсколько минутъ вышла кухарка. Не отворяя вполнѣ двери, она оглядѣла меня, какъ будто вспоминая, не видала-ли меня прежде, потомъ загородивъ входъ и улыбаясь мнѣ въ лицо, сказала, что Николая Гаврилыча нѣтъ дома.

А барыня?

Уѣхала къ NN. на извощикѣ. Мнѣ показалось, что баринъ дома и что кухарка именно этому и смѣется. Но дѣлать было нечего. Я вынулъ изъ бумажника визитную карточку, написалъ, что буду еще завтра и отдалъ кухаркѣ, не обозначивъ своего адреса.

Утромъ, вмѣстѣ съ женой мы ушли изъ номера татарской гостинницы (гдѣ остановились по прiѣздѣ въ Саратовъ) въ гостинный дворъ за покупками. Вернувшись около половины 10-го домой, мы получили отъ номернаго записку на клочкѣ бумаги. На ней было написано характернымъ, крупнымъ почеркомъ Чернышевскаго: „Приходилъ. Буду между 10-ю и четвертью одиннадцатаго. Н. Чернышевскiй.

Дѣйствительно мы только что усѣлись за самоваръ, какъ въ назначенный срокъ скрыпнула дверь и кто-то, невидимо изъ-за перегородки заговорилъ:

А — а, дома. Ну, вотъ и отлично, вотъ и пришелъ. Ну, какого поживаете, какого поживаете В. Г. Ну, очень радъ.

Къ концу этой рѣчи Чернышевскiй былъ уже около стола, протягивая мнѣ руку, точно мы старые знакомые и видѣлись лишь нѣсколько дней назадъ.

— А это кто у васъ?

— Жена, Авдотья Семеновна.

— Ну, и отлично, ну, и отлично, вотъ я очень радъ, голубушка, очень радъ. Ну, вотъ я пришелъ.

Я видѣлъ портреты Чернышевскаго. Одинъ изъ нихъ былъ снятъ въ Астрахани, кажется, за годъ до отъѣзда въ Саратовъ. На немъ Чернышевскій совсѣмъ не похожъ на того нѣсколько мечтательнаго молодаго человѣка, съ сильно выдающимися скулами и рѣзко съуженной нижней частью лица, почти съ прямымъ носомъ и очень тонкими губами, изображеннаго на портретѣ, который мы всѣ знали въ 70-хъ годахъ. Но теперь я, по первому взгляду, тоже не узналъ бы Чернышевскаго. Послѣдній его портретъ, находящійся въ обращеніи, изображаетъ мужественнаго человѣка, съ крупными чертами лица, очень мало напоминающими „литератора". Густые свѣтлые волосы по русски, какъ у Гоголя, обрамляли это лицо и свѣшивались на лобъ. Выраженіе серьезное и въ немъ совсѣмъ не замѣтно оттѣнка добродушнаго смѣха и отчасти стариковскаго чудачества, которое оживляло лицо вошедшаго къ намъ человѣка.

Голосъ, который мы услышали еще изъ-за перегородки, былъ старческій, слегка приглушенный, но фигура сначала показалась мнѣ совсѣмъ молодой. Эту иллюзію производили

въ особенности его каштановые волосы, длинные кудрявившіеся внизу, безъ малѣйшихъ признаковъ сѣдины.

Но когда я взглянулъ ему въ лицо, у меня какъ-то сжалось сердце, такимъ оно на мгновеніе показалось мнѣ изстрадавшимся, жалкимъ и старымъ изъ подъ этой прекрасной молодой шевелюры. Въ сущности онъ былъ похожъ на портретъ, только черты его, мужественныя на карточкѣ, были въ дѣйствительности мельче, миніатюрнѣе, по нимъ прошло много морщинъ и цвѣтъ этого лица былъ почти землистый.

Это желтая лихорадка, захваченная въ Астрахани, уже дѣлала свое быстрое губительное дѣло. Поляки, съ которыми я встрѣчался и жилъ въ Якутской области, сдѣлали интересное наблюденіе. Одинъ изъ нихъ разсказывалъ мнѣ, что почти всѣ, возвращавшіеся по манифестамъ прямо на родину, послѣ того, какъ много лѣтъ прожили въ холодномъ якутскомъ климатѣ, умирали неожиданно быстро. Поэтому, кто могъ, старался смягчить переходъ, останавливаясь на годъ, на два или на три въ южныхъ областяхъ.

Сибири и въ сѣверовосточныхъ европейской Россіи.

Вѣрно это наблюденіе, или эти смерти простыя случайности, но только на Чернышевскомъ оно подтвердилось. Изъ холодовъ Якутска Чернышевскій пріѣхалъ въ знойную Астрахань здоровымъ. Мой братъ видѣлъ его тамъ такимъ, каковъ онъ на портретѣ; изъ Астрахани онъ переѣхалъ въ Саратовъ уже такимъ, какимъ мы его увидали, сгорбившимся, съ землистымъ цвѣтомъ лица, съ жестокимъ недугомъ въ крови, который велъ его уже къ могилѣ.

Это чувство внезапнаго и какого-то остраго сожалѣнія возвращалось ко мнѣ нѣсколько разъ въ теченіе разговора, который завязался у насъ какъ-то сразу, точно мы были съ Николаемъ Гаврилычемъ родные, свидѣвшіеся послѣ долгой разлуки. Онъ говорилъ оживленно и даже весело, онъ всегда отлично владѣлъ собой и если страдалъ, а могъ-ли онъ не страдать очень жестоко, то всегда страдалъ гордо, одинъ, ни съ кѣмъ не дѣлясь своей горечью. По истеченіи нѣкотораго времени среди разговора, онъ взялъ руку Авдотьи Семеновны и, глядя на ее, сказалъ:

— Ну, вотъ очень радъ, милая моя. Это отлично, право. Это очень хорошо. Я очень радъ, что узналъ васъ.

И неожиданно поцѣловалъ у нея руку. Она также неожиданно наклонилась и отвѣтила поцѣлуемъ въ лобъ, но онъ отстранился, какъ будто испугавшись этого внезапнаго изліянія.

— Нѣтъ не надо. Сожалѣніе . . . Не надо этого. Я вѣдь знаете, какъ поцѣловалъ у васъ руку, — изъ галантности. А — а. А вы не знали: я вѣдь галантнѣйшій кавалеръ. И онъ съ шутливой манерностью поднесъ вторично ея руку къ губамъ.

— Да-съ. И вотъ онъ тоже галантнѣйшій кавалеръ, да еще какой. Утонченнѣйшая вѣжливость. Пришелъ вчера, не засталъ и оставилъ карточку, а адреса на карточкѣ не написалъ. Понимаю, понимаю, не объясняйте, я отлично понимаю: значитъ, не трудитесь, Николай Гаврилычъ, отдавать визитъ, долгомъ сочту явиться вторично. Деликатность. А я изъ-за этой деликатности сегодня, высунувъ языкъ, весь городъ обѣгалъ, все разыскивалъ. На пристани былъ, въ полицейскихъ участкахъ былъ, наконецъ догадался купить газе-

ту. Они тутъ отмѣчаютъ всѣхъ пріѣзжающихъ, останавливающихся въ гостинницѣ; вотъ и нашелъ.

Уже въ это первое свиданіе мнѣ вспомнился тотъ разсказъ, который я привелъ въ началѣ моего очерка о полякѣ, вышедшемъ изъ подъ земли, и впечатлѣніе опредѣлилось. „Тотъ самый, тотъ самый“ думалось съ грустью. Какая это въ сущности страшная трагедія остаться тѣмъ-же, когда жизнь, вся жизнь такъ измѣнилась. Мы слышимъ часто, что тотъ или другой человѣкъ остался тѣмъ-же хорошимъ, честнымъ и съ тѣми-же убѣжденіями, какимъ мы его знали двадцать лѣтъ назадъ. Но это нужно понимать условно. Это значитъ только, что человѣкъ остался въ томъ-же отношеніи къ разнымъ сторонамъ жизни. Если вся жизнь передвинулась куда-бы то ни было, и мы съ нею, и съ нею-же нашъ знакомый, — то ясно, что мы не замѣтили никакой перемѣны въ положеніи. Но Чернышевскаго наша жизнь даже не задѣла. Она вся прошла вдали отъ него, промчалась мимо, не увлекая его за собой, не оставляя въ его душѣ тѣхъ чертъ и рубцовъ, которые рѣка оставляетъ хотя-бы на неподвижномъ

берегу и которые свидѣтельствуютъ о столкновеніяхъ и борьбѣ.

— Публицистика? сказалъ однажды Чернышевскій на вопросъ моего брата, отчего онъ опять не возмется за нее. — Какъ вы хотите, что-бы я занялся публицистикой. Вотъ у васъ теперь на очереди вопросъ о земствѣ, о новомъ судѣ . . . Что я напишу о нихъ: во всю мою жизнь я не былъ ни разу въ земскомъ собраніи!

Ни разу! Конечно, вѣдь его увезли до открытія новыхъ учрежденій, а привезли обратно когда ихъ собирались уже уничтожить. И эта судьба постигла человѣка, котораго всѣ помыслы сердца, всѣ стремленія, вся жизнь — были жизнью, помыслами, стремленіями русскаго писателя, и ничѣмъ болѣе. У него, какъ у Щедрина, не было ничего, кромѣ литературы: ни семья, ни профессія — ничто не смягчало для него горечи ссылки, не могло смягчить и горечи возвращенія. Въ Сибири онъ стоялъ, какъ старый камень, вдали отъ берега измѣнившей русло рѣки. Она катится гдѣ-то далеко, гдѣ-то шумятъ ея живыя волны, но онѣ уже не обмываютъ его, одинакаго, печальнаго.

Его разговоръ обнаруживалъ прежній умъ, прежнюю діалектику, прежнее остроуміе, но матеріалъ, надъ которымъ онъ работалъ, теперь уже не поддавался этой обработкѣ. Онъ остался по прежнему раціоналистомъ по пріемамъ мысли, экономистомъ по ея основаніямъ.

Позволяя себѣ вторгнуться въ чужіе предѣлы, я попробую очертить главныя основанія прежняго умственнаго склада Чернышевскаго и его сподвижниковъ. Вѣра въ силу устроительнаго разума, по Канту.

Вся исторія — есть ничто иное, какъ смѣна разныхъ силлогизмовъ, смѣна, происходящая по схемѣ Гегеля. „Докажите мнѣ, что это не такъ, что положеніе, антитеза и синтезъ Гегеля не имѣютъ мѣста въ исторіи, — и я уступлю вамъ по всѣмъ пунктамъ нашей полемики“, писалъ онъ Вернадскому. Далѣе: главный матеріалъ, надъ которымъ оперируетъ разумъ, творящій соціальныя формы, — эгоистическіе и прежде всего матеріальные интересы. Сдѣлать подсчетъ этихъ интересовъ, поставить наибольшее благо наибольшаго числа людей въ качествѣ цѣли, показать эту таблицу, съ ея противоположными

итогами, громаднымъ массамъ, которыя теперь, по неумѣнію разсчитать, допускаютъ существованіе неестественной соціальной ариѳметики, — остальное уже можно легко предсказать и предвидѣть. Таковы были, по моему, взгляды, такова, по моему, была ихъ вѣра.

И вотъ — казематы Александровска, Нерчинска, Акатуя, которые не могли, конечно, разбить основныхъ взглядовъ, — очень удачно справились съ вѣрой, обломавъ ей крылья и ощипавъ перья. Основные философскіе взгляды остались, но вѣра въ непосредственное творческое дѣйствіе раціональныхъ идей утратилась. Для насъ, оставшихся среди жизни, этотъ процессъ совершился посредствомъ борьбы и вторженія, постепеннаго и не замѣтнаго, новыхъ элементовъ міровоззрѣнія. Вмѣстѣ съ народнической литературой мы изучали народъ, которому приходилось показывать соціальную ариѳметику; мы изучали его также практически, цѣлымъ опытомъ народническо-пропагандистскаго движенія*). И

*) Разумѣю эти слова не въ одномъ только, придаваемомъ имъ порой, узкомъ значеніи, — Авт.

мы были поражены сложностью, противорѣчіями, неожиданностями, которыя при этомъ встрѣтились. Но эти разочарованія, причиняемыя живою жизнію, имѣютъ особое свойство: ихъ и исцѣляетъ сама жизнь. Противорѣчіе, неожиданность разрушаетъ прежній взглядъ, но тотчасъ-же оно захватываетъ вниманіе, и незамѣтно зарождается въ душѣ возможность новыхъ воззрѣній. Вся литературная біографія Успенскаго, все, за что мы его такъ любимъ, весь захватывающій интересъ его дѣятельности художественной и публицистической объясняется этой исторіей интеллигентной чуткой души, натыкающейся, въ поискахъ идеала и жизненной гармоніи, на противорѣчія и диссонансы и всетаки не теряющій вѣры.

Переставъ быть „экономистами", мы тоже не остановились на мѣстѣ. Вмѣсто схемъ экономическихъ, литературное направленіе, главнымъ представителемъ котораго является Н. К. Михайловскій, раскрыло передъ нами цѣлую перспективу законовъ и параллелей біологическаго характера, а игрѣ экономическихъ интересовъ отводилось подчиненное второстепенное мѣсто. Все это лишало

прежнюю постановку вопросовъ ея прозрачной ясности, усложняло ихъ, запутывало, но всѣ мы чувствовали, что намъ необходимо войдти въ этотъ сложный лабиринтъ, и при этомъ мы прощали изслѣдователямъ отступленія, ошибки, противорѣчія.

Чернышевскій остался при прежнихъ взглядахъ; отъ художественнаго произведенія, отъ критической или публицистической статьи онъ требовалъ яснаго, простаго, непосредственнаго вывода, который покрывалъ-бы все содержаніе. Вотъ, примѣръ, иллюстрирующій его отношенія къ Гл. Успенскому.

— Ну, вотъ вамъ разсказъ. Живетъ мужикъ, въ нуждѣ да въ работѣ, какъ конь ломовой. Вдругъ господа помогаютъ или урожай . . . Разбогатѣлъ на время, отдыхаетъ. Полѣзли въ голову мысли во время отдыха, сталъ пьянствовать, бить бабу, чуть не погибъ. Выводъ: не нужно мужику жить богаче и имѣть отдыхъ, „чтобы не избаловаться".

Я вспомнилъ дѣйствительно два разсказа приблизительно такого-же содержанія. Одинъ слѣдовалъ вскорѣ послѣ радостной картины урожая, гдѣ Гл. Ив. описывалъ, какъ по не-

множку „выпрямляется“ мужицкая душа отъ „благодати“ и исчезаетъ злоба и звѣрство. Но вотъ черезъ нѣкоторое время онъ видитъ фактъ, послужившій поводомъ къ разсказу: „Взбрело въ башку“, и не заботясь о полной стройности всѣхъ выводовъ изъ всѣхъ своихъ разсказовъ, взволнованный и разстроенный до глубины души (я видѣлъ его, когда онъ собирался писать этотъ разсказъ) — кинулъ намъ этотъ живой фактъ, такъ сказать, еще теплый, во всей его правдѣ и со всѣми заключенными въ немъ противорѣчіями. Мы сами, давно уже бьющіеся среди сложности и противорѣчій жизни, ускользающей отъ нашего „устроенія“, любимъ и цѣнимъ въ писателѣ эту чуткую нервность и тонкую правдивую воспріимчивость къ такимъ фактамъ.

Чернышевскій, у котораго жизнь тоже утянула, какъ и у насъ, всѣ прежнія надежды, не хотѣлъ всетаки, да и не могъ, считаться съ этой сложностью, и требовалъ по прежнему ясности, прямыхъ, непосредственныхъ выводовъ.

О всякомъ писателѣ онъ спрашивалъ прежде всего: „умный онъ человѣкъ или нѣтъ?“ И

далеко не за всѣми извѣстностями признавалъ это качество. За Михайловскимъ, напр., признавалъ, хотя совершенно отвергалъ его „біолого-соціологическія“ параллели. Съ особенной рѣзкостью говорилъ онъ о Толстомъ, и это понятно, потому что оба они имѣютъ общую точку соприкосновенія въ раціонализмѣ, хотя во многомъ стоятъ на противоположныхъ полюсахъ.

— А Толстымъ увлекаетесь? спросилъ онъ, лукаво смотря на Авдотью Семеновну. Превосходный писатель. Авдотья Семеновна сказала свое мнѣніе и спросила объ его дѣйствительномъ отношеніи къ послѣднимъ произведеніямъ Толстаго.

Въ это время Чернышевскій вынулъ платокъ и высморкался.

— Что, хорошо? спросилъ онъ къ великому нашему удивленію. Хорошо я сморкаюсь? Такъ себѣ не правда-ли? Если бы у васъ кто спросилъ: хорошо Чернышевскій сморкается, вы бы отвѣтили: безъ всякпхъ манеръ, да и гдѣ же какому то бурсаку имѣть хорошія манеры. А что, если бы я вдругъ представилъ неопровержимыя доказательства, что я не бурсакъ, а герцогъ и по-

лучилъ самое настоящее герцогское воспитаніе. Вотъ тогда бы вы тотчасъ-же подумали: А—а. Нѣтъ-съ, это онъ не плохо высморкался, это и есть настоящая, самая рѣдкостная герцогская манера . . . Вѣрно?

— Пожалуй.

— Ну вотъ тоже и съ Толстымъ. Если-бы другой написалъ то, что онъ пишетъ въ послѣднее время, ни въ одной редакціи и не напечатали бы. Сказали бы: глупо и неграмотно . . . Да! у него вѣдь рукописи ужасно неграмотныя: выправитъ корректоръ грамматическія ошибки, подпишутъ графъ Толстой, всѣ и ахаютъ. Ахъ Толстой, великій романистъ! Не можетъ быть, чтобы была глупость. Это только необычно и геніально! По графски сморкается! . . . Вообще, къ движенію, обозначенному Толстымъ, но имѣющему и другія развѣтвленія, онъ относился очень насмѣшливо и разсказывалъ нѣкоторые сюда относящіеся эпизоды съ большимъ юморомъ. Я приведу одинъ изъ подобныхъ эпизодовъ, но чтобы онъ могъ сказать все, что съ нимъ связано относительно характеристики Чернышевскаго, я долженъ прибавить еще нѣсколько словъ. Въ квартиры Чернышев-

скаго я встрѣтилъ, кромѣ его жены и секретаря, еще молодую дѣвушку, племянницу Чернышевскаго, знакомую моего брата. Она очень сердилась на послѣдняго за то, что онъ не отвѣтилъ на ея письмо, и часто возвращалась къ этому вопросу.

— Ахъ, милая вы моя, полушутя, полусерьезно сказалъ ей Чернышевскій со своей обычной добродушной насмѣшливой манерой. Развѣ кто нибудь изъ серьезныхъ людей отвѣчаетъ на письма. Никогда! да и не нужно. Положительно не нужно. Вотъ я вамъ случай разскажу изъ своей практики: какъ то разъ, Ольги Сократовны не было дома, хожу себѣ по комнатѣ, вдругъ звонокъ. Отворяю дверь, — какой-то незнакомый господинъ.

— Что угодно?

— Николая Гавриловича Чернышевскаго угодно.

— А это я самый.

— Вы Николай Гавриловичъ?

— Да, я Николай Гавриловичъ. Онъ стоитъ смотритъ на меня, и я на него смотрю. Потомъ вижу, что вѣдь такъ нельзя, позвалъ въ гостинную, посадилъ. Сѣлъ, облокатился на столъ, опять смотритъ въ лицо. — Такъ

вотъ, вы Николай Гавриловичъ Чернышевскій. Да, говорю, я Николай Гавриловичъ Чернышевскій. — А я говоритъ, пріѣхалъ на пароходѣ, а поѣздъ уходитъ черезъ пять часовъ. Я и думаю: надо зайти къ Николаю Гавриловичу Чернышевскому. — А—а. Это, конечно, уважительная причина. Однако вотъ и моя жена пришла. Позвольте васъ представить, какъ васъ зовутъ?

— А это, говоритъ, вовсе и не нужно.

— Вотъ что, подумалъ я себѣ, какой нибудь важный конспираторъ.

Увелъ его къ себѣ въ кабинетъ, посадилъ и говорю: если при другихъ вамъ нельзя высказаться, то можетъ быть мнѣ одному можете.

— Ахъ нѣтъ, говоритъ, это не то вовсе. Моя фамилія N. N. докторъ. Ѣду теперь въ Петербургъ по своимъ дѣламъ.

И опять смотритъ, смотритъ.

— Такъ вотъ . . . вы Николай Гавриловичъ Чернышевскій. Однако, знаете, до поѣзда все таки еще долго. Давайте о чемъ нибудь говорить.

— Ну хорошо.

— О чемъ же?

— О чемъ хотите, Николай Гавриловичъ Чернышевскій, о томъ и говорите.

Посмотрѣлъ я на него и думаю: давай, попробую съ нимъ о Толстомъ говорить. Взялъ да и обругалъ Толстаго.

Смотритъ ничего.

— Послушайте, говорю, а можетъ быть вамъ это и непріятно, что я тутъ о такомъ пророкѣ такъ отзываюсь.

— Нѣтъ, говорите, ничего. Нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, можетъ быть, я и очень бы огорчился. А теперь ничего, теперь я уже свою вѣру выдумалъ, собственную.

— А, вотъ это интересно. Разскажите, какую вы это выдумали вѣру. Можетъ и хорошая.

— Конечно, хорошая. Началъ разсказывать что-то. Я слушаю. Должно быть ужъ очень что-то умное, — ничего нельзя понять.

— Постойте, говоритъ. Я вамъ письмо съ дороги пришлю. Адресъ тоже пришлю, и вы мнѣ непремѣнно отвѣтьте. А теперь пойдемъ лучше пройдемся по городу, да и на пароходъ.

Мнѣ тоже показалось, что это лучше. Вѣра у него какая-то скучная, да и не графъ онъ,

— не интересно. Проводилъ я его на пароходъ, пароходъ отчаливаетъ, а онъ все кричитъ: напишу, отвѣчайте непремѣнно, что думаете.

Отлично. Онъ уѣхалъ, а я забылъ. Только черезъ нѣкоторое время опять звонокъ, опять я одинъ. Отворю. Опять незнакомый, — на этотъ разъ молодой.

— Вы Николай Гавриловичъ Чернышевскій?

— Я Николай Гавриловичъ Чернышевскій.

— Я отъ доктора N. N.

— А, думаю себѣ, пророкъ Андрей Первозванный. Будетъ въ новую вѣру обращать.

— Милости просимъ.

— Письмо къ вамъ, длинное. Проситъ отвѣтъ. Я съ нимъ увижусь.

— А вы кто?

Оказалось ветеринаръ и человѣкъ отличный. Проѣздомъ — устраивалъ свои дѣла, а теперь въ университетъ. Планы все простые, хорошіе, какъ у всякаго молодаго человѣка. Учиться собирается. Думаю, нѣтъ должно быть не этой вѣры. И дѣйствительно, — съ докторомъ встрѣтился случайно.

— Ну, отлично, говорю. Вы хотите отвѣтъ?

— Просилъ N. N. непремѣнно привезти. Ужъ вы пожалуйста.

— Ахъ ты Господи! А содержаніе письма вамъ извѣстно?

— Не знаю.

Ну, думаю, такъ можетъ еще и освободитъ. Давайте-ко прочтемъ вмѣстѣ. Усадилъ его въ кабинетѣ, вскрылъ письмо, читаю. Прочиталъ нѣсколько, — все тоже, какъ изустной рѣчи: или ужъ слишкомъ умно или просто глупо, ничего не понимаю. Посмотрѣлъ на молодаго человѣка — у него глаза удивленные.

— Ну, что, говорю, читать дальше, или о чемъ другомъ поговоримъ.

— О другомъ лучше.

— А отвѣчать надо?

— Помилуйте, говоритъ, что-же тутъ отвѣчать. Невозможно и отвѣтить ничего. Такъ вотъ видите, улыбаясь закончилъ онъ разсказъ, обращаясь къ племянницѣ. О важныхъ дѣлахъ, о новой вѣрѣ и то не отвѣчаютъ, а

вы тутъ о своихъ пустякахъ пишете и требуете отвѣта. Предразсудокъ!

Дѣвушка, смѣясь, вышла изъ комнаты.

Тогда оглянувшись на дверь, Чернышевскій наклонился ко мнѣ и сказалъ: Если передадите брату ея слова, скажите, пусть не сердится. Видите она дѣвушка хорошая, честная, сирота. Жизнь вся прошла сѣро, сестеръ и братьевъ выводила въ люди, сама не видѣла ничего, никакой радости. Ну, а въ тотъ годъ, когда встрѣтилась съ вашимъ братомъ, свалила съ себѣ главное то время, поѣхала по Волгѣ, стала жить на свой счетъ. Все это понимаете, и радостно ей и кажется значительно очень. Свобода, встрѣча съ хорошими интеллигентными людьми, послѣ глухого угла. Вотъ она и не можетъ себѣ представить, что эта случайная встрѣча важна и значительна только для нея, а не для другихъ, и вотъ почему ее такъ волнуетъ неполученіе отвѣта отъ встрѣченнаго тогда человѣка.

Это внимательность къ окружающимъ, это полное пониманіе чужаго настроенія — добавляетъ, по моему, очень важную черту къ нравственному облику самого Чернышевскаго.

Позднимъ вечеромъ Чернышевскій проводилъ меня до воротъ, мы обнялись на прощаніе и я не подозрѣвалъ, что обнимаю его въ послѣдній разъ.

Теперь еще нѣсколько словъ объ его отношеніи къ своему прошлому. Мой братъ передавалъ мнѣ одну импровизацію Чернышевскаго. Эту легенду-аллегорію онъ слышалъ къ сожалѣнію изъ вторыхъ уже рукъ: ему разсказывала племянница Чернышевскаго подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ очень яркаго, живаго и юмористическаго разсказа самаго Чернышевскаго. Братъ разсказывалъ ее мнѣ тогда-же, но теперь мы оба возстановили въ памяти лишь нѣкоторыя черты, одинъ остовъ этой аллегоріи. Я привожу ее всетаки, такъ какъ въ ней есть характерныя черты и проглядываетъ отчасти взглядъ Чернышевскаго въ послѣднее время.

Когда-то, во время кавказской войны Шамиль спросилъ одного прорицателя объ исходѣ своего предпріятія. Прорицатель далъ отвѣтъ очень неблагопріятный. Шамиль разсердился и велѣлъ посадить пророка въ тем-

ницу, а затѣмъ приговорилъ его къ казни, въ виду того, что его предсказаніе вносило уныніе въ среду мюридовъ. Передъ казнію пророкъ попросилъ выслушать его въ последній разъ и сказалъ: въ эту ночь я видѣлъ вѣщій сонъ: есть гдѣ-то на свѣтѣ домъ, въ этомъ домѣ ученый человѣкъ сидитъ много лѣтъ надъ рукописями и книгами. Онъ придумаетъ такую машину, отъ которой перевернется не только Кавказъ и Константинополь, но и вся Европа. А будетъ это тогда, когда бараны станутъ кричать козлами.

Шамиль задумался и хотѣлъ помиловать пророка, но мюриды возмутились еще больше: не ясно-ли, что пророкъ сѣетъ въ рядахъ правовѣрныхъ напрасное уныніе, гдѣ-же видано, чтобы бараны кричали козлами?

И пророка казнили.

Но когда стали готовиться, чтобы отпраздновать тризну, то одинъ изъ барановъ, назначенныхъ къ закланію, вырвался изъ рукъ черкеса и, вскочивъ на крышу Шамилевой сакли, закричалъ три раза козломъ.

Тогда Шамиль ужаснулся и, призвавъ самаго вѣрнаго изъ своихъ адъютантовъ, далъ ему денегъ и велѣлъ ѣхать по свѣту, во что-

бы то ни стало разыскать неизвѣстнаго ученаго и убить его, прежде чѣмъ онъ успѣетъ окончить свою работу.

Къ сожалѣнію, я совсѣмъ не знаю подробностей путешествія адъютанта по разнымъ странамъ. Слышавшіе этотъ разсказъ говорили, что описаніе этихъ поисковъ представляло настоящую юмористическую поэму, и безъ сомнѣнія, значительно могло бы выяснить смыслъ аллегоріи. Теперь приходится ограничиться тѣмъ, что адъютантъ дѣйствительно разыскалъ ученаго и, кажется, именно въ Петербургѣ. Онъ засталъ его, окруженнаго книгами, въ кабинетѣ, въ которомъ топился каминъ.

Ученый сидѣлъ противъ огня и размышлялъ. Когда адъютантъ Шамиля объявилъ ему, что онъ давно его разыскивалъ, чтобы убить, ученый отвѣтилъ ему, что онъ готовъ умереть, но просилъ дать немного времени, чтобы покончить свои дѣла и планы. Ты хочешь привести въ исполненіе то, что у тебя здѣсь написано и начерчено? спросилъ его мюридъ. — Нѣтъ, я хочу все это сжечь въ каминѣ, чтобы никто не вздумалъ выполнить то, надъ чѣмъ я такъ долго трудился, считая,

что работаю для блага людей. Теперь я пришелъ въ заключенію, что я ошибался“ . . .

— Вы были этотъ ученый? спросила Чернышевскаго одна изъ слушательницъ.

— Нѣтъ, я тотъ баранъ, который хотѣлъ кричать козломъ, отвѣтилъ онъ съ той добродушной ироніей, съ которой часто говорилъ о себѣ. Въ дальнѣйшіе коментаріи онъ не пускался, представляя, по своему обыкновенію, слушателямъ дѣлать самимъ тѣ или другія заключенія.

Конечно, очень трудно по приведеннымъ мною обломкамъ судить о цѣломъ этой аллегоріи. Однако, на основаніи того, что я слышалъ впослѣдствіи отчасти отъ другихъ, отчасти-же лично отъ Чернышевскаго, я позволю себѣ сдѣлать нѣкоторые коментаріи.

Мнѣ кажется, что Чернышевскій имѣлъ здѣсь въ виду себя (а можетъ быть и другихъ), какъ теоретика и мыслителя, который вообразилъ себя практическимъ дѣятелемъ. Вѣроятно на это именно указываетъ сравненіе себя самого съ кроткимъ по природѣ бараномъ, которому вздумалось кричать по козлиному.

Мнѣ доводилось слышать эту-же мысль выраженную ясно и безъ всякихъ аллегорій.

— Ахъ Владиміръ Галактіоновичъ, говорилъ мнѣ покойный при личномъ свиданіи, когда мы стали перебирать прошлое и заговорили о Сибири. — Знаете-ли, попалъ я въ Акатуѣ въ среду ссыльныхъ за революціонныя дѣла . . . Кого только тамъ не было: поляки, мечтавшіе о возстановленіи своей Рѣчи Посполитой, итальянскіе гарибальдійцы, пріѣхавшіе помогать полякамъ, наши Каракозовцы . . . И все народъ хорошій, но все зеленая молодежь. Одному мнѣ подъ пятьдесятъ. Оглянулся я на себя и говорю: ахъ, ты, старый дуракъ, старый дуракъ, куда тебя занесло. Ну и стыдно стало. Правда всѣ эти нападки на прошлое, иногда высказываемыя въ очень рѣзкой формѣ самообличенія, не отзывались ни унылымъ разочарованіемъ, ни слабодушнымъ покаяніемъ въ прошлыхъ грѣхахъ. Наоборотъ, послѣ такихъ выходокъ, Чернышевскій встряхивалъ своими сѣдыми густыми волосами, глядѣлъ изъ подлобья улыбающимся взглядомъ и прибавлялъ: — А вѣдь всетаки сказать правду: не все же только худое было. Было кое что и хоро-

шее. Пожалуй не мало было хорошаго, да, не мало.

Указаніемъ на это обстоятельство я отклоняю вмѣстѣ съ тѣмъ упрекъ въ кажущемся противорѣчіи, которое можно бы, пожалуй, усмотрѣть въ томъ, что я говорилъ выше о Чернышевскомъ, оставшимся прежнимъ Чернышевскимъ 60-хъ годовъ, съ его насмѣшками надъ своимъ прошлымъ. Нѣтъ, онъ не смѣялся надъ прошлымъ и остался въ основныхъ своихъ взглядахъ тѣмъ же революціонеромъ въ области мысли, со всѣми прежними пріемами умственной борьбы. Онъ смѣялся только надъ своими попытками практической революціонной дѣятельности, пожалуй не вѣрилъ въ плодотворность общественнаго катаклизма. Это фактъ и, какъ таковой, я привожу его для характеристики этого крупнаго человѣка въ послѣдній періодъ его жизни.

Въ заключеніе я приведу здѣсь еще одну легенду, которая сложилась о немъ еще при его жизни въ далекой Сибири на Ленѣ.

Чернышевскаго провезли лѣтомъ въ Россію, а я ѣхалъ тѣмъ-же путемъ осенью того-же года.

Трудно представить себѣ что-либо болѣе угрюмое, печальное и непривѣтное, чѣмъ приленская природа. Голыя скалы, иногда каменная стѣна на десятки верстъ и наверху, надъ вашей головой, только лиственный лѣсъ, да порой крестый якутскихъ могилъ. И такъ почти на три тысячи верстъ. Русское населеніе Лены — это ямщики, поселенные здѣсь съ давнихъ временъ правительствомъ, и живущіе у государства на жалованіи. Это своего рода сколокъ старинныхъ ямовъ, какая-то постовая служба для государственныхъ цѣлей, среди дикой природы и полудикаго мѣстнаго населенія, среди горькой нужды. „Мы пеструю столбу караулимъ, говорилъ мнѣ съ горькой жалобой одинъ изъ ямщиковъ своимъ испорченнымъ жаргономъ: пеструю столбу, да сѣрый камень, да темную лѣсу“.

Въ этой фразѣ изливалась горькая жизнь русскаго мужика, потерявшаго совершенно смысль существованія.

„Столбы для дому — бей въ камень, и паши камень и камень кушай . . . и слеза наша на камень этотъ падаетъ“, говорилъ другой.

Эти люди, которые, какъ всѣ люди, — все ждутъ чего-то и на что-то надѣются, везли Чернышевскаго, когда его отправляли на Вилюй. Они замѣтили, что этого арестанта провожаютъ съ особеннымъ вниманіемъ, и долго въ юртахъ мужиковъ, забывающихъ родной языкъ, но сохраняющихъ воспоминанія о далекой родинѣ, толковали о важномъ генералѣ, попавшемъ въ опалу. Затѣмъ его привезли обратно и опять съ необыкновенными предосторожностями.

Въ сентябрѣ 1884 года, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ проѣзда Чернышевскаго, мнѣ пришлось провести нѣсколько часовъ на пустомъ островѣ Лены, въ ожиданіи пока пронесется снѣговая туча. Мы развели огонь съ ямщиками и они разсказывали намъ о своемъ горькомъ житьишкѣ.

— Вотъ развѣ отъ Чернышевскаго не будетъ-ли намъ чего? сказалъ одинъ изъ нихъ, задумчиво поправляя огонь.

— Что такое? Отъ какого Чернышевскаго? удивился я.

— Ты развѣ не знаешь Чернышевскаго Николая Гавриловича?

И онъ разсказалъ мнѣ слѣдующее: „Чернышевскій былъ у покойнаго царя важный генералъ и самый первѣйшій сенаторъ. Вотъ однажды созвалъ государь всѣхъ сенаторовъ и говоритъ: Слышу я, плохо у меня въ моемъ государствѣ, людишки больно жалуются. Что скажете, какъ сдѣлать лучше?

Ну, сенаторы-то и говорятъ: одинъ одно, другой другое. Извѣстно ужъ, какъ всегда заведено. А Чернышевскій молчитъ. Вотъ когда всѣ сказали, царь говоритъ: что-же ты молчишь, мой сенаторъ Чернышевскій? Говори и ты. Онъ и говоритъ: все хорошо, твои сенаторы говорятъ и хитро, да все вишь не то. А дѣло-то батюшка государь просто: посмотри на насъ, сколько на насъ золота, да серебра навѣшано, и много-ли мы работаемъ? Да меньше всѣхъ. А которые у тебя въ государствѣ больше всѣхъ работаютъ, тѣ вовсе почитай безъ рубахъ. И все такъ идетъ на выворотъ. А лучше сдѣлать надо вотъ какъ: намъ-бы поменьше маленько богатства, а прочему народу убавить бы тягости.

Вотъ услышали это сенаторы и осердились. Самый изъ нихъ старшій и говоритъ: „Это, знать послѣднія времена настаютъ, что волкъ

волка ѣсть хочетъ". Да одинъ за однимъ и ушли.

И сидятъ за столомъ царь да Чернышевскій одни. Вотъ царь и говоритъ: ну, братъ, дѣлать нечего. Люблю я тебя очень, а дѣлать нечего, надо тебя въ далекія мѣста сослать, потому съ тобой съ однимъ мнѣ дѣлами не управиться.

Заплакалъ, да и отправилъ Чернышевскаго въ самое гнилое мѣсто, на Вилюй. А въ Петербургѣ осталось у Чернышевскаго семь сыновъ и всѣ выросли, обучились и всѣ стали генералы. И вотъ пришли они къ новому царю и говорятъ: ѣели, государь, вернуть нашего родителя, потому его и отецъ твой любилъ. Да теперь ужъ и не одинъ онъ будетъ, — мы всѣ съ нимъ семь генераловъ. Царь и вернулъ его въ Расею, теперь чай будетъ спрашивать, какъ въ Сибири, въ отдаленныхъ мѣстахъ народъ живетъ. Привезъ я его въ лодкѣ на станокъ, да какъ жандармы-то сошли на берегъ, я поклонился въ поясъ и говорю:

— Николай Гавриловичъ! Видѣлъ наше житьишко?

— Видѣлъ, — говоритъ.

Rosenthal & Co., Berlin S O., Rungestr. 20.